

Сердцевёртка. (Номинация «Голубая чашка»)

В моём теле завелась сердцевёртка. Это я сегодня поняла. У сердцевёртки есть пара клещей, которыми она ранит сердце. Примерно, как уховёртка, которая залезает в ухо спящего человека и пробивает барабанную перепонку. Мы целое стадо таких выгнали из-под старого ковра в новой съёмной квартире.

— Это миф, — сказал папа. — Уховёртка и правда выбирает укромные места для отдыха, но в органы людей и других животных не проникает.

«Людей и других животных». В этом весь папа. Он биолог, и все изменения, происходящие с людьми и другими животными, по его мнению имеют научные причины. Я не могу пробиться через эту броню и объяснить, как от тоски во мне завелась сердцевёртка. Она появилась, когда я написала Касе, а та не ответила.

— Возможно, уховёртка получила такое имя из-за английского названия ear-wing — «ухо-крыло». У неё форма заднего крыла похожа на ушную раковину. Хотите, поймем одну?

Ну всё, папа завёлся.

— Спасибо, лучше погуглю, — буркнула я. Совершенно неинтересно, какие крылья у твари, терзающей моё сердце.

В новой квартире мне не нравится. Чтобы стало уютнее, разбрасываю вещи по комнате. (Где я, наверное, никогда не почувствую себя как дома). Перед сном открываю окно, дверцы шкафа и — на всякий случай — выдвигаю ящики письменного стола.

Я всегда сплю с открытым окном. И шкафом. Оттуда зовёт Нарния, а окно не даёт ей окончательно меня затянуть. Так и болтаюсь во сне между реальностью и Нарнией, пока мама не останавливает этот поток. Она приходит ночью, всё закрывает, и тогда я перестаю видеть сны.

Мама снимает вещи с сушилки, а я сижу рядом, ем яблоко и страдаю.

— А что будет, когда у нас совсем кончатся деньги? И все наши вещи состарятся?

Я знаю, что нельзя давить на больное, ведь мама ужасно боится стать нищей и провести остаток жизни в коробке на Курском вокзале. Но сердцевёртка совсем озверела и вкручивается в моё бедное сердце. Самое ужасное — это когда тебе больно, но ты не можешь выразить эту боль. Хочется заплести себя в сыр-косичку. Или кинуть в кого-нибудь болью, как снежком. Я кидаю в маму.

— Вещи намного крепче, чем кажутся. Смотри, — мама машет перед моим лицом белой тряпкой, — вот футболка из массмаркета, сделана из какого-то фуфла. А переезжает со мной с

квартиры в квартиру и сдаваться не собирается. Не рвётся в стиральной машине, не прожигается утюгом, не гниёт от пота. Сопrotивляется энтропии, как может.

— Вот бы стать, как твоя футболка, — говорю я.

— Рецепт прост — сопротивляйся.

После уроков я ползу на остановку автобуса, который появляется два раза в час не по расписанию. В школе я почти ничего не запомнила, хотя нормально понимала, что говорят учителя. Одноклассники уже разъехались. Вскочили на свои электросамокаты и погнали в джим — здесь так называется спортзал.

И тут на остановку приходит Оскар из моего класса.

Новая школа – инклюзивная, здесь много учеников с разными особенностями. (На самом деле все мы с особенностями, просто у некоторых они сильнее заметны). У Оскара расстройство какого-то спектра, он очень добрый и радуется дождю. Учителя знают об этом, и, когда идёт дождь, разрешают ему подходить к окну.

— Это Нил, — говорит Оскар и показывает пальцем вверх.

Я поднимаю глаза. На большой ветке дерева, прямо надо мной, сидит сын нашей учительницы и широко улыбается. Нил всегда лазит по всяким верхотурам и ходит на уроки с тьютором. Когда он успел забраться на дерево?

— Приятно познакомиться, — говорю я.

— Ты крутой! — кричит Оскар, и Нил улыбается ещё шире.

— Сейчас придёт его мама, и мы все поедem домой, — поясняет Оскар. — Мы живём на одной остановке.

Мысленно пугаюсь: «Мы все поедem?!» Совершенно не понимаю, как вести себя с Оскаром, Нилом и его мамой.

— Мне надо в магазин, — смущённо говорю я и сбегая.

Когда я прихожу домой, солнце уже садится. Севка смотрит мультик про Губку Боба, мама варит макароны. Ищу любимую чашку, чтобы налить воды. На самом деле это не чашка, а пластмассовый стаканчик из кафе в «Шереметьево». Теперь я пью только из него.

— Мам, а где моя чашка?

Мама не слышит или просто делает вид. Сердцевёртка вонзает в сердце свои клещи.

— Стакан треснул, и я его выбросила, — наконец говорит мама. — Он уже в баке.

— Совсем чуть-чуть треснул, только сверху! — кричу я, хлопаю дверью и выбегаю на улицу.

Мама экологически сознательная, значит, чашку надо искать в контейнере «Пластик, стекло, металл». Я открываю крышку нужного бака и среди мусорных пакетов вижу наш, сиреневый. Наклоняю контейнер, залезаю в него почти по пояс, пытаюсь схватить пакет за ручки, но не дотягиваюсь. Определённо нужна палка.

Вылезаю из контейнера и озираюсь в поисках палки. Сверху мне на голову падает шишка. Поднимаю глаза и вижу Нила.

Так *мы все* живём на одной остановке?

— Чашку нечаянно выбросила, — лепечу я в своё оправдание и мгновенно об этом жалею.

Только идиоты лезут за чашками в мусор! Но выход сразу находится: не чашка — суп — а капы! Капы специально делают по слепкам зубов для их выравнивания. Если случайно выбросил такую важную вещь — не стыдно и мусор перебрать.

— Caps, — говорю я и показываю на свои зубы. Машу Нилу на прощание и ухожу.

И только дойдя до дома вспоминаю, что зубные капы называются retainers.

На следующий день я прихожу в школу пораньше. Как только сажусь за парту, появляется Оскар.

—Та-да-ммм! — улыбается он и ставит передо мной чашку. Наверное, когда-то она была разрисована синими цветами. Со временем цветы стёрлись, и теперь керамические бока чашки покрывают бесформенные голубые пятна.

—Твоя чашка, — говорит Оскар. — Ты нечаянно выбросила, а мы с Нилом перетрясли весь мусор и нашли.

Я ошарашенно перевожу взгляд с чашки на Оскара и обратно.

— Но потом мы мусор убрали обратно в бак.

— А как ты узнал? — спрашиваю я. — Ведь Нил же не разговаривает.

— Только с посторонними, но скоро он к тебе привыкнет, — говорит Оскар и меняет тему. — Пойдёшь на ланч?

Пожимаю плечами: ещё бы знать, куда идти! В школе — моей старой школе, а не в этом недоразумении — была столовая. Спускаешься на второй этаж и спокойно ешь.

— В соседнем доме есть кафе. Или можно сходить за сэндвичем в магазин Лизы, — поясняет Оскар. — У Лизы есть три курицы. Одну из них зовут Бейонсе. И были белки, но их съели. То ли собака, то ли неизвестно кто.

Оскар говорит о съеденных белках с таким же восторгом, как мой пятилетний брат Сева — о пожарной машине.

— Почему неизвестно? — интересуюсь я.

— Ну почти известно. Лиза думает, что лиса приходила. Но она не уверена.

— Давай тогда в кафе, а не к лисе.

Странно идти на ланч с парнем, который по возрасту мне вроде как ровня, а по стилю общения — младший брат. В другой вселенной у нас могло быть свидание.

В кафе ухо сразу выхватывает родную речь. И я решительно направляюсь к столику неподалёку от двух девушек.

— Надо сделать такой стартап¹, — говорит девушка с весёлым пучком на затылке, который подпрыгивает в такт её словам. — Типа сайт, на нём мы спрашиваем людей: «Оцените примерный размер вашего ужаса», а ниже линейка с картинками собак разных пород. Они выбирают собаку, мы привозим, они час её обнимают.

— Можно еще просто сверху класть, как тяжёлое одеяло, — подхватывает вторая девушка с кудряшками. Мне — собаку Баскервилей, а лучше две.

Оскар спрашивает, о чём они говорят, и я перевожу.

— Никогда не слышал про породу Баскер Вилли, — удивляется Оскар.

И весь ланч я по памяти пересказываю историю про огромную собаку, которая тоже кого-то съела (но точно не белок).

Кася, наконец, ответила. Она не знала, что написать, а теперь знает. Я уехала так быстро, что она на меня даже немного обиделась. Ведь мы столько лет дружили. А сейчас уже привыкла, что её жизнь происходит без меня во время всего этого.

Я сижу на берегу и смотрю, как море охотится за моими кроссовками. Окей, с Касиной жизнью понятно. Но неплохо бы также понять, что там с моей жизнью. Происходит ли она?

Я думаю, думаю, и решаю, что да — происходит. Ведь я же не одна, рядом мама, папа и Севка. Оскар с Нилом специально для меня нашли чужую чашку, и теперь она только моя.

Впервые за всё это время сердцевёртка ведёт себя спокойно. И вдруг я понимаю, что ей тоже было очень плохо — наверное, так же плохо, как и мне.

—
¹ Реальная история, подслушанная в кафе кем-то из друзей.